

СВОИ СРЕДИ ЧУЖИХ: О РУССКИХ ДЕТЯХ В ОКРУЖЕНИИ МИГРАНТОВ

Настоящий материал построен на Аналитическом заключении по проблемам религиозного экстремизма, подготовленном по договору с администрацией одного из ведущих по нефтедобыче городов Сибири, где его автор многократно изучал ситуацию на местах. Но проведенный здесь анализ и его выводы имеют отношение ко всей нефтяной Сибири, а в главном и к иным областям России, где массовые миграции из исламских регионов СНГ и Кавказа поставили вопрос о сохранении народов, исконно проживающих на местах оседлости переселенцев, и русского этноса в первую очередь.

Если рассматривать ситуацию в подростково-молодежной среде, складывающуюся в быстро формирующихся новых демографических и социальных условиях, можно видеть, что она несет в себе все признаки развивающегося этноцида русского населения. (ЭТНОЦИД – искусственно созданные условия, приводящие к уничтожению национального самосознания народа)

«Сибирь — это земля, без которой не существует России, это то место, которым Россия прирастает своей силой, мощью, богатством. С Сибирью связано наше национальное самосознание. С Сибирью связаны замечательные черты нашего национального характера».
Патриарх Кирилл

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

СВОИ ВАХХАБИТЫ

Эта статья родилась тогда, когда я сидел напротив симпатичных русских ребят, учащихся одного из колледжей российской системы образования в одном российском городе русской Сибири. Их было, кажется, девять - с виду обычных русских мальчишек, не старше 15-ти лет. Необычным было то, что все они были ваххабитами. Стороннему

наблюдателю в это было бы трудно поверить, но именно этим было обусловлено мое присутствие здесь. Образование зашло в тупик.

Их собрали в отдельной аудитории специально для беседы. Разговаривали довольно долго. Во время разговора одного из парней куда-то отослали, он вернулся и деловито сложил в уголок принесенные коврики для намаза. Самый тщедушных из моих собеседников, совсем с виду ребенок, когда узнал, что я был коллегой убитого несколько лет назад в Москве радикальными исламистами священника Даниила Сысоева, за моей спиной отчетливо произнес: *«Нужно и этого замочить»*. Когда я повернулся, поставленная ребром рука у его горла заканчивала демонстрацию того, как это нужно сделать. Я его внимательно рассматривал: у него было наивное лицо... и далеко не наивные глаза, которые он и не думал от меня отвести. Его друзья были с ним очевидно солидарны. Такие с виду вполне милые дети, окончившие свои детские игры в неигровом ваххабизме и с недетской усидчивостью наглядно, с вызовом, выполняющие все его строгие предписания. Даже в условиях учебного заведения...

Их небольшое сплоченное сообщество однозначно доминировало над обычным детским коллективом колледжа. Их явно боялись, и это было одним из аспектов их управляемой стратегии. Наше общение, если его можно так назвать, представляло собой переговоры в разгар войны. Парламентарием был я. Один из них, этнический исламист, внимательно следил за поведением остальных. Но дети все же есть дети и через какое-то время их жестко спаянный искусственной злобой монолит дал небольшие трещины. Пока я по ходу мучительно обдумывал дальнейшую свою «дислокацию», понимая, что возможная мера нашего разговора – чья-то жизнь или смерть, как в аудиторию твердо вошла обычная школьная завуч, и бесцеремонно вырвав меня из их душевного ада (где я уже отчасти профессионально увяз), с комсомольским задором провозгласила: *«Но вот и хорошо, что поговорили, мы все живем в большой стране и нужно жить дружно!»*... Эта постсоветская утопия была частью некоего апокалипсического сценария судеб этих подростков. Я провожал их глазами и думал... сколько стоят эти души?... и кто заметит их утрату в суете нашего сумбурного мира? Они ушли, снова слившись в управляемую убийственную машину. Когда уходил я, меня почти профессионально «вели». Это было как-то умирительно наблюдать в среде колледжа, трудно пока было смириться с мыслью, что происходящее совсем не «зарница». Я отметил, что в моем «ведении» участвовало уже далеко не девять ребят: серьезно-внимательных смуглых лиц, очевидно контрастирующих с пестро мелькающей средой подростков, было куда больше. В последующих учебных заведениях такие же лица меня уже ожидали.

Я тогда вдруг вспомнил свою школу 70-х годов и вот о чем подумал: здесь ведь все всё понимают, уж точно дети знали куда больше, чем их учителя. И именно в этом была какая-то особая аномалия, потому что в основном это были обычные, советские дети... среди которых учились потенциальные убийцы – ваххабиты, их одноклассники. Все ведь знали это, как минимум, из сообщений новостей о терактах. И это действительно так: ваххабизм исповедует философию смерти, уничтожения, выделенную в практическую дисциплину. В определенном смысле весь колледж был в заговоре. Одни готовились убивать, другие искусственно скрывали свое к этому отношение. При этом разумные дети не могли не понимать, что потенциальными

жертвами были именно они. Подумалось: «Девочки, наверное, влюбляются в загадочных ваххабитов... а в интернете есть кадры, как их кумиры и учителя отрезают головы «неверным»... а сегодня все дети в интернете...». Ну, в общем, да... хороша образовательная среда.

Статья Уголовного кодекса, предполагающая ответственность за недоносительство, отражает в себе непреложные нормы общечеловеческой морали, и именно школа, по идее, закладывает их в детскую душу. Противление злу – нравственный императив, нет ничего пагубнее для души ребенка обыденное сосуществование с тем, с чем даже частично смириться никак нельзя. В душах такого детско-юношеского сообщества неизбежно развивается глубинная патология - и в откровенно злых, и в потенциально добрых. И если власти не опомнятся и не выжгут всеми возможными средствами зачатки исламского радикализма из системы образования и воспитания российской молодежи, он выжжет все «разумное, доброе, вечное» из душ наших детей даже там, где им придется просто «наблюдать» его присутствие.

С родителями я отказался разговаривать, многих из их, как я узнал, в целом все устраивало – «не пьют»... «курить бросили». Что ж, свято место пусто не бывает.

Но с моими девятью собеседниками и им подобными пока еще можно и нужно говорить – если есть кому, желание и понимание проблемы. Их нынешнее состояние пока больше не от радикального ислама, а от юношеского радикализма, но, оставленные под губительным авторитетом, – эти подростки станут пушечным мясом. И многие уже стали.

Крайняя озлобленность русских девчонок, принявших ислам, по отношению к своим землякам – была непробиваема. Другие русские девочки полупшепотом признавались: «Крестики прячем по пути в школу...»

Справка: ХМАО – Ханты-Мансийский автономный округ Югра, Западная Сибирь, часть Тюменской области, на которую приходится более половины всей нефтедобычи России. По переписям в период с 1939 по 2010 годы около 80 процентов русского населения.

ЛИЧНОСТЬ В ПРИЦЕЛЕ

В течении почти девяти лет я посещаю регион ХМАО по приглашению местных властей в качестве специалиста по проблемам религиозной деструкции, молодежных субкультур и психологических зависимостей. В 2010-12 годах – по поводу массового принятия русскими подростками, учащимися средних учебных заведений, радикального ислама. Десятки часов общения с аудиториями разного профиля – от рабочей среды до учащихся школ, колледжей, педагогов и социальных работников – позволили сделать определенные выводы, при этом наблюдая развитие определенных процессов в многолетней динамике.

Многие города ХМАО (как, к примеру, Мегидон, Лангепас, Ханты-Мансийск) - своего рода образцово-показательные, где социальная и административная работа на сегодня – лучшее из возможного. Взрослые горожане пока еще могут спать спокойно, но, увы, не их юные сограждане – если говорить о быстро набирающей силу проблеме

религиозного экстремизма и этносепаратизма. Именно дети, подростки, в основном учащиеся средних учебных заведений, на фоне некоторого общего благополучия, вошли в первый эшелон борьбы за жизненное пространство, и это может быть для них слишком тяжким грузом.

Аналогичная ситуация практически повсеместна – по всей нефтяной Сибири. Со всех сторон и всеми возможными путями сюда идет радикальный ислам. Время не ограничивает его глобальные притязания, он ведет тотальную «надвременную» войну. Ни законы цивилизованного общества, ни даже сама человеческая жизнь ничего не значат в его фундаментально обоснованной стратегии захвата власти – особой, сакральной, над обществом, государством и главное – над личностью. В прицеле агрессии исламского прозелитизма юная, еще не сформировавшаяся личность. Захватив ее, радикальный ислам обеспечивает себе будущее. И, увы, эта пагубная стратегия успешно реализуется.

Проблема сосуществования исламского и христианского миров, как в России, так и на Западе, сегодня крайне обострена и предельно широко обсуждается в СМИ, Интернете, и потому не имеет смысла останавливаться на ее общих вопросах: ясно – проблема есть, массовые миграции быстро меняют мир. Но если эти проблемы касаются не взрослого, а совсем юного общества – подростков, детей, то здесь требуется совершенно особое внимание и особый же подход.

Сразу оговорюсь: в этой работе нет ни критики ислама, не полемики с ним. Я занимаю вполне взвешенную позицию в данном вопросе, считая, что споры непродуктивны. Религия в принципе призвана сформировать сугубое отношение к ценности жизни, вне зависимости от ее происхождения. Нам жить в одной стране, и мы долго мирно жили в ней. Скоротечные политические и иные метаморфозы изменили и мир, и страну, и людей, но жизнь в принципиально новых условиях, по сути, только начинается. Как начинается, все мы видим – с невиданной по масштабам крови никем не объявленной войны. Но не кровью вымывается генофонд – духовным уродством, утратой молодым поколением тех жизненных смыслов, которыми и определяется человек своего народа, своей земли, Родины. Этот труд имеет целью обнажить ту сторону нашего сосуществования, которая обычно незримо протекает внутри громких внешних событий, но именно она определяет будущее лицо мира. В семейных скандалах обычно не спрашивают мнение детей, а именно их души несут в себе пагубные последствия взрослых конфликтов. Так и в тех катаклизмах, которые потрясают наше общество, мы чаще всего не замечаем самые внимательные глаза, неизбежно впитывающие в себя все взрослое несовершенство. Это глаза детей, подростков, первых жертв любых столкновений человеческого мира. Мы еще не поняли, что проблема религиозного экстремизма, радикального ислама, которая многим кажется еще очень отдаленной, существующей на некой периферии общественной жизни страны, уже в полной мере оказывает свое разрушительное влияние на неоформленные умы и души наших детей, выстраивая их по своим уродливым канонам.

В жизни человеческого общества нет более сложных и многогранных проблем, чем вопросы религиозного и этнического сосуществования. Самые опасные и острые их грани – проекция религиозных воззрений на сферу национальных вопросов и,

соответственно, наоборот. Особенно в многонациональном и поликонфессиональном обществе.

Каждая новая генерация эмигрантов считает своей родиной ту страну или регион, где она родилась и выросла. Недавно прозвучавшее в прямом эфире в ответ на возмущение одного представителя ислама по поводу отсутствия официального статуса у праздника «Курбан байрам» резкое требование Президента РФ к переселенцам из традиционно исламских районов России или СНГ в центральную Россию *«бережно относиться к культуре, в которую приехали»* – относится к взрослым, но не к детям. Не к тем детям, подросткам и молодым людям, которые родились или выросли в традиционно российских городах. Это уже их мир, и освоение его – их главная задача. И какими методами они будут это делать – пока еще в некоторой степени зависит от позиций власти.

НАБЛЮДЕНИЯ: СВОИ СРЕДИ ЧУЖИХ

Еще три-четыре года назад в среде учащихся городов Югры, которые я посещал, я наблюдал определенное противостояние – вполне естественное противостояние разной ментальности и культур, но в последние год-два – почти нет. Не потому, что его нет, а потому, что статус-кво сил уже достаточно определен. Сегодня уже можно утверждать: однозначно не в пользу славянского, русского населения. Подчеркну: речь идет именно о мире детей и подростков.

Я со всей очевидностью увидел, насколько злободневными стали для подростковой среды сугубо взрослые вопросы религиозного существования – причем за неадекватно короткое время. При этом не в теории, а на практике, в жизненных реалиях. Было бы просто преступно оставить самих подрастающих детей в этом разбираться.

Темы, которые я предлагал молодежи, более касались социальных проблем: этика отношений, жизнь в информационном пространстве, проблемы игромании, наркомании и т.д., а все вопросы, которые поднимали дети, – касались проблем религиозных. Детей не ограничивают взрослые табу на острые темы, они спрашивают о том, что их волнует, в чем они живут. Все естественные подростковые конфликты уже сегодня приобретают устойчивую религиозно-этническую окраску, а в самом ближайшем времени это может стать преобладающей основой взаимоотношений в подростковой среде. Юношеский максимализм, перенесенный на религиозно-этническую почву, – явление крайне взрывоопасное: детские войны зачастую более жестоки, чем войны взрослых.

Я достаточно широко изучил ситуацию не только по разговорам на местах, но и из иных доступных источников, особый интерес представляет общение самих подростков региона в социальных сетях. И при этом такова ситуация в разной степени по всей стране.

Обобщая (и крайне смягчая), цитирую изречения взрослеющих детей: *«Русские пацаны вооружаются... а что они могут сделать против организованной толпы приезжих»*, *«Среди них («приезжих» – И.А.) много хороших ребят – если по отдельности, а вместе – агрессивная толпа»*, и все в этом роде. Лексика молодежи забита терминологией, о которой некоторое время назад мы просто ничего не знали. Все разговоры в итоге сводятся к «хачики, чурки, черные, южане, приезжие» и т.д. – если выбрать из мата и

ругательств удобопроизносимое, но это малая доля процентов от «живого» языка. И термин «неверный» вошел в обыденный лексикон определенного сообщества юных пользователей интернета.

На лицах некоторых молодых людей из неисламской среды, с которыми мне удалось поговорить «тет-а-тет», был написан обыкновенный человеческий страх – перед абсолютно превалирующим и агрессивным «юношеским исламским сообществом», усиленный ясным пониманием своей незащищенности. Кто-то несколько раз просил, чтобы я «никому не говорил». И это, в общем-то, «в мирное время»...

Подростковые «диспуты» на религиозные темы, как правило, кончаются полным фиаско русских, очень мало знающих о своей вере и культуре. Не только постсоветская индифферентность к религиозной проблематике играет свою роль, но даже у верующих православных христиан не принято выводить свои внутренние убеждения на внешнее обсуждение, в отличие от представителей ислама. Его юные последователи так же не владеют какими-то богословскими знаниями, но пользуются терминологией своих реакционных полемистов, разными путями вложивших в их неокрепшие умы рубленные антихристианские фразы и понятия. В конкретных условиях все это приобретает сугубо этнические значения. Уже сегодня в сознании исламских подростков понятие «русский» полностью отождествлено с «православный» и «христианин». Это классика ненависти исламских радикалов. Конечно, особо отличаются агрессией именно те русские, славянские подростки, которые были обращены в ислам – радикальный, в абсолютном большинстве случаев.

Так, к примеру, одна такая русская девушка в хиджабе, нисколько не смущаясь присутствовавших на беседе русских же парней, так и сказала: *«Полон город ваших православных пузатых... (шлюх, имелось в виду)»*. В более точном смысле это звучало и как «ваших русских».

Кто-то может увидеть нечто позитивное в том, что на фоне тотальной безнравственности они горды своими достижениями на пути исламской нравственности, но прилегающие к этому злоба и превозношение делают это лишь еще одним инструментом в агрессивном прозелитизме.

Все, что касается устоев ислама, даже в условиях школы при любой возможности декларативно демонстрируется. И это своего рода сознательный и несознательный вызов. Кому? В итоге – России. Наблюдая молящихся на ковриках новообращенных русских подростков-ваххабитов – учащихся колледжа или какого-то иного учебного заведения в городах Югры, невозможно представить подобного рода «массовое» проявление христианской веры в школе, кроме естественных крестиков на шее. На фоне этой нормальной ограниченности русских ребят исламская молодежь совершенно неограниченна. Да и с крестиками уже не так просто, о чем чуть ниже...

Понятно, что нельзя делить детей на своих и чужих. Более того, дети, пережившие трагедию, более нуждаются в опеке и внимании, но с определенного возраста все меняется. Мир нужен всем, проблема трагична как для русских, так и для детей из исламских семей – расовая неприязнь одно из самых разрушительных чувств, но как избежать ее в роковом сближении, сжатом стенами учебного заведения.

Можно привести некоторые примеры из опыта Душепопечительского Центра, в котором я работаю. К нам обращаются многие быстро поседевшие родители по

причине участия их детей-подростков в разного рода фашиствующих молодежных группах. Где в основе их явной невменяемости, как правило, лежит ярый антисемитизм. На недоумение родителей *«почему так произошло?»* после нескольких вопросов находится очень простой и логичный ответ: потому что в их русских семьях по любому поводу обыденно обсуждалась известным образом жизнь евреев. И детская душа в итоге трансформировала эту «обыденность» в обыкновенный фашизм. Логично. Нелогично было бы, если бы этого не случилось. При этом «дитя» вступив в «организацию», немедленно переносит свое «национальное рвение» уже на всех «нерусских», а в основном на выходцев с Кавказа и исламских регионов. Так же имеет место и обратный процесс: остро поставленный фатальными условиями национальный вопрос, порождающий ту или иную неприязнь, проецируется в дальнейшем уже не только на приезжих, к примеру, с Кавказа - это становится определенным принципом жизни в человеческом обществе. Разрушительным – для самого этого общества.

Нужно ясно понять: в подростковой среде нет никакого умеренного или «традиционного» ислама – здесь он исключительно радикальный, пусть и «по-детски». Что более откровенно и болезненно, чем «по-взрослому», это заложено в естественных свойствах детско-подростковой психики.

Для нерелигиозных детей, попадающих в атмосферу религиозной агрессии, проблема даже более злокачественна, чем для религиозных, православных, в частности. Играет роль, во-первых, разный духовный иммунитет, во-вторых, в сознании религиозных этому противостоянию находится обоснование и логика ищут определенные выходы, а у атеистически воспитанных подростков фатальная неразрешимость этой атмосферы неизбежно формирует аномалии личностного плана.

Прозелитизм радикального ислама наиболее эффективно действует там, где человек поставлен в фатальные условия тесного сосуществования. В обществе – это армия, тюрьма и... школа. Касательно армии в некоторых регионах ставится вопрос о решении не призывать лиц из «южных регионов», чтобы не превратить службу русских парней в кошмар. Более того, в комендатуры поступает масса заявлений о призыве на службу от мигрантов с Северного Кавказа, в основном. Парадокс? Нет, выверенная стратегия, хотя и крайне грубо реализуемая.

В тюрьмах идет системная массовая работа по обращению уголовных элементов в радикальный ислам, чем крайне обеспокоены пенитенциарные органы. Радикальные исламисты создали в тюремной сфере так называемые «джамааты» и *«организовали процесс преступления и наказания»* таким образом, чтобы в тюрьмы попадали спецы ваххабитов по вербовке. Тоже парадокс? Нет, та же стратегия. Нужны войны.

Относительно школы в этом аспекте вопрос никто и не ставит, но он особый. Здесь своя особая же стратегия, которая учитывает вполне естественное течение событий. Во взрослом социуме условия общения разных мультикультурных групп продиктованы определенными социальными законами, и при этом есть возможность избежать постоянного контакта, потому межэтнические и иные разногласия не проявляют себя в полной мере. Но в школьном сообществе не действуют «взрослые» социальные законы, а в тупиках тесного общения вскрывается даже латентно существующая агрессия. Конечно, это актуально и для иных учебных заведений, но чем старше ребенок, тем он

свободнее и это дает ему возможность избежать нежелательного общения, а «школьное расписание» не оставляет никаких шансов.

Так, к счастью пока не везде, но в лучшем варианте, выросший в такой ситуации человек будет просто стремиться при первой возможности уехать куда-нибудь подальше. Точно так же, как сегодня в уже «мирной» Чечне русское население однозначно вынуждено покинуть страну, благодаря этому «миру» имея лишь возможность сделать это как-то цивилизованно; как в солнечной Абхазии после избавления ее Россией от грузинского геноцида русские сидят на чемоданах, так и в городах русского Севера русские дети, принужденные к сосуществованию с гиперактивным «юго-восточным» сообществом, благодаря аналогичному «миру» будут *всею лишь* ожидать скорейшего окончания школы. А пока этот каждодневный процесс в корне уничтожает и то доброе, что еще благодаря усилию многих талантливых людей способно дать образование.

Между русскими подростками и детьми из исламских семей колоссальная разница в смысле определенной приспособляемости к окружающим условиям. Многие семьи мигрантов приехали из зон конфликтов, в которых сформировалась в прямом смысле «военная ментальность» переживших их подростков, возникли глубинные механизмы адаптации к самым разным формам агрессии – что совершенно отсутствует у русского населения, особенно юного. Дети быстро взрослеют на войне, и далеко не в лучшем смысле. Конфликты, о которых мы знаем, в основном происходили на межэтнической почве, и, естественно, что это стало в целом крайне обостренной темой в ментальности исламских подростков. Что для коренных россиян вообще никогда не было проблемой.

В целом остро резонирующая на национальную проблему специфика восточного мышления происходит из большой скученности на небольшом географическом пространстве разных этносов и их модификаций, как, к примеру, на Кавказе, где проживает более 50-ти этнических групп. Сейчас эта «специфика» перенесена в традиционно русские регионы и если данная тема фатально встала перед личностью, для которой она принципиально нова, то это наиболее разрушительно, так как не существует совершенно никакого опыта ее разрешения.

Свою роль играет фактор самого семейного уклада жизни этих народов – многодетных семей, где с раннего детства развивается определенная конкурентоспособность личности, в отличие от обычно единственного ребенка в русской семье, выросшего частью в тепличных условиях, частью – и, увы, большей – в «неблагополучных» семьях. О предпринимательских способностях восточной личности нечего и говорить – это хорошо известно.

Плюс элементарный криминалитет: возрастной ценз русских подростков, способных участвовать в организованных криминальных группировках, на порядок ниже, чем в группировках исламского толка.

Девочки-подростки откровенно рассказывали мне, что приходя в школу, они снимают нательные крестики (если одежда такая, что они видны), чтобы не подвергнуться осмеянию со стороны своих исламских одноклассников. Но это безобидное «осмеяние» имеет корнем ярую ненависть «взрослых» радикалов – здесь

возраст хоть и обнажает подноготную, но и смягчает ее. Хотя думается – последнее все же лишь благодаря условиям российской школы.

Дети обычно молчат по поводу своих школьных проблем, в целом даже не понимая их - это их мир, в котором они родились и живут, и все в нем кажется им вполне естественным, пусть даже и неприятным. Но взрослые не должны молчать, если они, конечно, не утратили способность понимать проблемы детей...

Вполне правомочно дать всей этой ситуации такую оценку: если ребенок, подросток, не имеет возможности реализовывать или естественно выражать свою этническую, культурную или религиозную принадлежность по причине страха перед какой-то постоянной угрозой, в итоге занимает пассивную позицию и это процесс долгий – это ведет к стиранию культурной и этнической самоидентификации личности. Если это процесс массовый и системный – он приводит к культурному самовыврождению этноса. Что, по сути, имеет только одно название – ЭТНОЦИД.

Но процессы, о которых идет речь – часть глобального противостояния. Это известная тактика, отработанная тысячелетиями: янычары были, как известно, выращенными в исламе детьми православных греков и славян. Можно без всякой метафоры утверждать, что в тихих, «упорядоченных» городах Сибири уже живут и действуют сотни таких «янычар» – молодых людей из русских семей, принявших радикальный ислам и яро ненавидящих своих бывших единоплеменников и некогда родную страну. Их число неизменно увеличивается, ибо именно на них сделана политическая ставка...

ЗЛОКАЧЕСТВЕННЫЙ ПРИОРИТЕТ МОЛОДЕЖИ

На наших глазах практически во всех регионах мира вспыхивают социально-политические конфликты, преобладающей основой которых являются разного рода молодежные бунты. Данную форму активности современной молодежи нужно особо отметить. При этом в европейских странах это в основном эмигрантская молодежь – не сами эмигранты, а уже родившееся в эмиграции поколение. И в абсолютном большинстве речь идет о выходцах из арабских стран. Это одна из причин того, что лидеры ведущих европейских держав теперь в один голос заговорили о крахе политики «мультикультурализма».

В последнее десятилетие в среде специалистов был принят термин, который ввел немецкий профессор Гуннар Хайнзон: «Злокачественный приоритет молодежи». Его уникальное исследование "Сыновья и мировое господство: роль террора в подъёме и падении наций" (Sohne und Weltmacht: Terrorism, Aufstieg und Fall der Nationen) исходило из де-факто базового участия молодежи в самых острых конфликтах современности. Их «качество» непосредственно связано с резко преобладающим над остальным обществом количеством молодых людей, в основном мужского пола.

Профессор Хайнзон ввел термин "демографический сбой", чтобы охарактеризовать страны, которые будут неспособны сопротивляться приоритету молодёжи из других стран.

Определенная норма представлена следующими пропорциями: на 100 мужчин 40-44 лет должно приходиться 80 мальчиков до четырех лет. В европейских странах это соотношение примерно 100\50-60, а в странах Ближнего Востока 100\300-400. Разница более чем очевидна, как и вытекающие из нее перспективы.

Общие анализ современных данных по демографической ситуации в России вполне подтверждают приведенные исчисления и позволяют говорить о следующих цифрах (взятых с большими допусками): если означенное соотношение мужчин и мальчиков в мусульманских народах так же представлено пропорцией 100\300-400, то у русских 100\15-30. Этот дегенеративный процесс отмечен, к примеру, российскими военными специалистами, по данным которых к 2025 году количество мужчин, способных служить в Российской армии снизится на 30 процентов, и будет составлять всего порядка 6 млн.

Но, кроме того, в исламском мире – это приоритет молодежи над взрослым населением, а в европейском (русском в том числе) – это приоритет взрослого населения, что само по себе уже аномалия.

При этом приоритет может быть количественным, но может быть и качественным, имея в виду ту или иную активность или специфическую этническую ментальность. В религиозном же аспекте эта активность (и ментальность, соответственно) может быть просто несравнима – как несравнима агрессивная активность исламского прозелитизма и степенная проповедь православия, к примеру. В России очевидна тенденция синтеза количественного и качественного приоритета – что опаснее всего.

Наглядные примеры этого (злокачественного!) «приоритета молодежи» и его последствий – среда учащейся молодежи сегодня уже многих городов Западной Сибири, как и в иных регионах России с аналогичной демографической ситуацией. Это и «качественный» (пусть это и сомнительное «качество») приоритет исламской молодежи над детьми из русских семей, а в самой ближайшей перспективе и количественный. По крайней мере, таковые тенденции очевидны. Это действующая «подростковая модель» не столь отдаленного будущего всего «взрослого» российского общества.

Чтобы получить дополнительные цифры реальной статистики в интересующем нас аспекте, можно приближенно просчитать этнический состав в процентном отношении среди учащихся выпускных классов по нескольким последним годам. Он будет существенно отличаться от общей официальной статистики по мигрантам.

Если воспользоваться самым примитивным антропонимическим анализом и проанализировать фамилии выпускников школ некоторых городов ХМАО, чьи общеклассные выпускные фото можно найти в интернете, то картина получается примерно следующая: на начало 2000-х годов приходилось в среднем две-три фамилии типично восточного происхождения на класс, в последние годы порядка 30 процентов, а среди мальчиков существенно больше. Даже из этого несложно вычислить демографические тенденции, их динамику и перспективы.

А вот, к примеру, о чем говорит доступная из публикаций статистика за последний год этнического состава учащихся по одному из городов региона – Лангепасу. Усреднив, можно озвучить следующие цифры: на 324 русских приходятся

150 учащихся из традиционно исламских регионов и Кавказа (без учета выходцев из Украины, Беларуси и некоторых иных).

Абсолютно корректные цифры трудно привести, но из имеющихся данных по национальному составу населения этого же города (за 2010 г.) и учащихся старших классов городских школ (за 2013 г.) уже ясно, что процент соотношения русских и мусульман в школах минимум на 15-20 процентов выше в сторону мусульман, чем русских и мусульман, в целом проживающих в городе: исламского населения и выходцев из Кавказа 20-25 процентов от общего количества жителей, а в образовательной среде – порядка 40%... Аналогичная статистика будет вполне применима ко всему региону.

Эта разница и определена быстро развивающимся молодежным приоритетом со стороны мусульманского населения. Повторимся: процесс этот неизбежный, закономерный и соответствует общеизвестным демографическим тенденциям.

Для справки: если взять статистику по всей Тюменской области, то наиболее высокий процент мигрантов из исламских регионов приходится на ХМАО – минимум 15%, порядка 200 тыс. человек (всего населения 1,5 млн.). Для некоторого сравнения: на перепись 1979 года - чеченцев 250, азербайджанцев 1260, узбеков 216, таджиков 94, лезгин 216, русских 423 792; на перепись 2010 года - чеченцев 6889, азербайджанцев 26307, узбеков 9970, таджиков 9793, лезгин 13335, русских 973 978. Диаспора чеченцев увеличилась в 27 раз, азербайджанцев в 20 раз, узбеков в 46 раз, таджиков в 104 раза, русских в 2,3 раза. К примеру, количество таджиков и узбеков от переписи 2002 до 2010 увеличилось почти вдвое. Для сравнения динамика баланса и роста особо крупных диаспор: на 1959 год русских было 89813, татар 2938, башкир 91; на 2010 год татар стало в 37 раз более – 108899, башкир в несколько тысяч раз – 35421, русское население за данный период увеличилось в 10 раз. Чтобы избежать спекуляций, важно конечно помнить, что русские – коренное население, и его демографические метаморфозы носят иной характер, нежели приток мигрантов, но общие тенденции приведенной статистики заставляют задуматься. Сорок-пятьдесят лет – это очень немного для столь серьезных подвижек населения небольшого региона, заложенные сегодня демографические пропорции на века определяют будущее страны, но, судя по цифрам, это может быть уже другая страна...

Что важно отметить в ракурсе нашей темы: возрастной и иной баланс трудоспособных и нетрудоспособных граждан в среде коренного населения совершенно несравним с тем же балансом внутри общества мигрантов. Едут обычно здоровые, активные люди, при этом духовно и психологически подготовленные к освоению новых земель. И к определенному противостоянию. Если в таком ракурсе условно вычислить некий средний КПД (коэффициент полезного действия) аборигенов и приезжих, то чисто количественная демографическая разница может просто потерять свое значение. Особенно если учесть известные «народные» пагубные пристрастия коренного населения. Если при этом еще иметь в виду, какие колоссальные силы придает идейно-религиозное обоснование миграции и ассимиляции на новом месте, и религиозное же вдохновение (а мы говорим о народах мусульманских), то ситуация очень непростая.

Большая политика – это долгосрочные прогнозы. Вот как комментирует свои претензии на российские территории один из исламских авторитетов: *«Мы все равно победим Россию – рождаемостью»*. И это уже правда.

ЗАМЕНА НА РАДИКАЛЬНЫЙ

Повсеместная тенденция замены в российских регионах (и активно в ХМАО) того, что принято называть «традиционным исламом» на радикальный – очевидна. Но, говоря о традиционном исламе, необходимо иметь в виду одну важную деталь: понятие «традиционный» всегда имеет определенную историко-географическую привязку, говорить о «традиционном» исламе применительно ко всей Западной Сибири – сегодня вряд ли правомочно, «традиционный» он для известных юго-восточных регионов СНГ или России, для некоторых сибирских районов (Тобольск, к примеру), но никак не в целом для русского Севера. Да, древняя Югра была частью Сибирского ханства Кучум-хана до победы в 1581 году Ермака и присоединения этих земель к Москве, но после этого произошла массовая христианизация населяющих их народов и последующие века коренным образом изменили облик этой страны. При этом мы говорим о современных индустриальных районах, имеющих свою обособленную историю. Ислам в Сибири связан преимущественно с татарским этносом, но при переписи населения 2010 года только 3 процента проживающих в Тюменской области этнических татар идентифицировали себя как «сибирские татары». «Традиционное» исламское общество Югры – это в абсолютном большинстве потомки мигрантов и сами те, которые в составе интернациональных бригад приехали осваивать северные недра еще в рассвет СССР, когда ни о каком исламе, как и в целом о религии, не могло быть и речи. Но православные церкви там уже были, что и тогда было естественно для региона с преобладающим русским населением (1939 год – 73 % русских и 2, 4 % татар). А люди тех десятилетий, составившие основу мусульманской общины современной Югры, совершенно иные по своей духовной организации – культуре, этике, пониманию веры и самой России (что важно!), нежели исламские мигранты 2000-х. Искреннее миролюбие и единство того общества было просто уникально относительно воинствующего актуального мира, и сегодня те добрые чувства еще играют свою роль. Но с новыми переселенцами – все совсем иначе: они приехали осваивать чужую страну.

Я подробно останавливаюсь на этом вопросе потому, что доктринальное обоснование «древнего ислама» в этом регионе сегодня нужно именно радикалам. Тогда в известной логике мы «оккупанты», а они возвращают «свое». Уже сегодня имеют место однозначно неадекватные обращения к Патриарху Кириллу с требованием «покаяться» за «уничтожение мусульман исламской Сибири». России было бы только выгодно действительно твердое и не поддающееся на провокации религиозных реакционеров общество сибирских татар-мусульман, ислам которых принципиально отличается от ислама Кавказа и Средней Азии, даже внутри одного исповедания (татары – сунниты), своей умеренностью и неагрессивностью.

В актуальной же ситуации понятие «традиции» еще можно отнести к архаичному укладу старшего поколения исламских семей, но, как правило, у «пассионарных» (по выражению Л.Гумилева) переселенцев и эта особенность быстро размывается, а в

молодежной среде просто сходит на нет. Но только не в данном случае – здесь нет «нет», здесь благоприятная почва для формирования исключительно агрессивного ислама по отношению к «аборигенам» – русскому населению. И чувствует себя исламская молодежь завоевателями, нисколько не скрывая этого.

Мир, в котором религия тесно связана с политикой, наиболее подвержен неожиданным радикальным переменам, меняется и сам «традиционный ислам». В качестве примера можно привести одно из событий последнего времени. Абсолютное большинство мусульман России и СНГ – сунниты, и здесь традиционно сложились наиболее добрососедские отношения. Собственно так же, как между Россией и ближневосточными странами с преобладающим суннитским населением. Но некоторое время назад духовный лидер суннитского ислама шейх Юсуф Кардави объявил Россию «врагом номер один». Совершенно неожиданно даже для части профессионалов-наблюдателей. А шейх Кардави – ведущий в арабском мире теолог и духовный авторитет, руководитель «Международной ассоциации мусульманских ученых». По мнению известного израильского эксперта по борьбе с террором, полковника запаса Шабак Амит Асса, заявление Кардави несет в себе прямую угрозу жизни россиян: *«Когда такой авторитет как Кардави объявляет какую-то страну главным врагом, то его радикальные последователи воспринимают это как руководство к действию»*. Что это означает? Нет, есть надежда, что никаких очевидно реакционных действий не последует, но «философия» этой установки породит непредсказуемо пагубные последствия. В институте веры, особенно такой, как ислам, авторитетно брошенное слово может сформировать многовековой закон для многих тысяч или даже миллионов людей. Подобное как минимум просто приобретает статус «по умолчанию» внутри исламской семьи. А проявлять себя эта «домашняя философия» будет в первую очередь в детской среде – особенно в такой среде, где тесно связаны «две стороны», а именно в школе.

Новое поколение переселенцев не сможет сохранить свою «умеренную» традицию в условиях не просто иной региональной ментальности, но именно секулярной культуры. Реисламизация традиционно исламского мира приведет к еще большим конфликтам внутри его религиозно-этнических противоречий. Для среды мигрантов, входящих в иные культурные условия, этот процесс неизбежен. Но речь идет не о полной реисламизации, а об уничтожении именно традиционно устоявшихся «умеренных» течений мусульманства и их архаичных институтов. Если современная культура не удаляет традиционно исламскую молодежь радикально от веры предков, но в определенном смысле «размывает» ее, то они, как правило, становятся радикалами – ваххабитами и др.

Ислам в самом принципе своего существования имеет одно особенное свойство: на базе всех его толков и течений в любой момент может возникнуть формирование радикального направления. Как бы ни толковать «джихад», укрывая его богословскими метафорами, он джихад и есть – тотальная борьба с неверными. Ваххабизм утверждает, что понимает и реализует его вполне в соответствии канонам изначального ислама, но и сунниту, выше упомянутому шейху Кардави, принадлежит изречение: *«ислам сохранился по сей день, благодаря убийству вероотступников»*.

Уникальность России, как многорелигиозной и многонациональной страны и заключалась именно в том, что в ее единстве были урегулированы неразрешимые противоречия как внутри ислама, так и в отношениях Ислама и Православия. Подчеркну – российского ислама. Мусульмане дореволюционной России служили не столько Российскому государству, сколько «белому царю, белому падишаху» - это вполне соответствовало их верованиям и считалось особой честью, придавая статусу Государя сакральное значение. И даже в критические дни революции военные формирования, состоящие из мусульман, доказали свою преданность российскому трону, как «Дикая дивизия», к примеру. Постсоветская действительность произвела фантазмагорическую подмену доктринального основания российской жизни, но в исламе не было вражды к русским, поэтому его народы и ее приняли, вместе с самими обманутыми русскими. И во время ВОВ они вместе сражались за Россию. Речь не идет об отщепенцах, они были везде. И так до развала Союза ССР. Теперь не осталось ничего: ни удерживающего Государя, ни цементирующей идеи мирового пролетариата. Обнажились все противоречия, которые даже латентно существовали: и религиозного, и социально-политического характера. И эта лава уже не застынет на месте – радикализм вытекает из нее с той же логикой, как, к примеру, из социализма – коммунизм, это процесс, так сказать, эсхатологической категории. Сдерживающие факторы есть: сильная разумная власть... и Бог. Но если первое – обязано сдерживать любую агрессию, то Высшее помилование нужно заслужить...

В аспекте выработки превентивных мер нам полезно было бы воспользоваться еще незначительным, но уже пройденным опытом Европы. Приведем выдержку из недавно опубликованного в США апологетического исследования доктора теологии Питера Хэммонда «Рабство, терроризм и ислам: исторические корни и современная угроза», где автор приводит социологический, историософский и религиозоведческий анализ постулатов ислама и его значения в мировой истории. Хэммонд считает, что ислам это не религия и даже не культ. Это всеобъемлющая, тотальная, детально разработанная система жизни, включающая в себя религию, право, политическую и социальную системы, военные аспекты. Все, что уже происходит в российских регионах массового притока мигрантов мусульман, во многом подтверждает правоту автора, который исследовал ситуацию в Европе и Америке – у ислама одна стратегия.

Автор пишет: *«История показывает, что исламизация страны начинается тогда, когда появляется значительное число мусульман, и они начинают отстаивать свои религиозные права и требовать привилегий. И когда политкорректное, толерантное и культурно разрозненное общество начинает идти на поводу у мусульман в их требованиях, начинают появляться уже некоторые иные тенденции.*

При достижении уровня 2-5 % населения, мусульмане начинают заниматься прозелитизмом среди маргинальных слоёв населения, этнических меньшинств, в тюрьмах.

При достижении 5% они начинают пытаться оказывать влияние на социально-культурную атмосферу соразмерно со своей процентной долей в обществе. А именно: начинают продвигать понятие «халяль», производить и продавать продукцию для мусульман, тем самым обеспечивая рабочие места для себя, организуют торговые сети, рестораны «для своих», культурные центры. На этом этапе они также пытаются

налаживать контакты с государственными структурами, пытаясь выторговать для себя наиболее благоприятные условия для исполнения шариатских норм».

Данного этапа «взаимоотношений» мы уже достигли, дальше можно было бы пока не продолжать, еще рано, и мы все же в России. Но в образовательной среде некоторых городов ХМАО этот процент уже достигает 40, а в среднем по населению 10-15%. Потому кратко продолжим знакомство с выводами американского исследователя.

«Когда же мусульманское население достигает 10%, они начинают прибегать к незаконным методам достижения своих привилегий.

При достижении 20% местным гражданам следует быть готовым к началу исламских рейдов на улицах, джихадистским патрулям, поджиганию церквей и синагог.

После отметки в 40% остатки народа, возможно, станут жертвой периодического террора. Когда мусульман станет большинство – более 60%, граждане – немусульмане – начнут подвергаться преследованиям, гонениям, этническим чисткам, будут урезаны в правах, начнут платить дополнительные налоги, и всё это юридически будет основываться на шариатских положениях.

При достижении 80% – государство уже полностью во власти мусульман, христианские и иные религиозные меньшинства будут подвергаться регулярным запугиваниям, насилию, будут проводиться санкционированные государством чистки с целью изгнания из страны «неверных» или принуждения их к принятию ислама.

И когда эти проверенные историей методы дадут свои плоды, государство приблизится к тому, чтобы стать полностью исламским – на 100%, оно станет «Дар-аль-ислам» (дом, земля ислама). Тогда, как верят мусульмане, у них наступит полный мир, поскольку все станут мусульманами, медресе – единственным учебным заведением, а Коран – единственным писанием и руководством к действию одновременно» - заключает Питер Хэммонд.

Будем надеяться, что это не российский сценарий, но господин Хеммонд ничего не выдумывает, он просто объединяет уже видимые всему миру факты с детально разработанными доктринами радикальных богословов.

К примеру, в Югорском же городе Радужном баланс населения уже приблизился к отметке 50 на 50. Там чем-то разволнованная исламская молодежь уже переворачивает машины на улицах точно так же, как мы наблюдаем это в новостях об исламских бунтах в разных странах мира. Югорский депутат Гнетов говорит: *«В этом городе нет ни одного русского молодого человека до 30 лет, которого не били бы приезжие».* К нашей теме: как же на фоне этого чувствуют себя в данном случае «теневые граждане» - славянские, русские дети в школах этого Радужного?! Ведь логично, что чувствуют они себя плохо. Вероятно настолько, что об этом лучше молчать. Это приведет к необратимой деградации не только русских детей, но и отроков из степенных исламских семей, неизбежно ввергнув их души в водоворот злобы. Таковы законы детского общества...

Сейчас сложилась особая ситуация: с одной стороны переселенцы, особенно молодые, не знают фундаментальных основ своей религии и тем более быстро попадают на своего рода «модернистскую» проповедь ваххабитов, с другой – все больше богословски подкованных молодых людей приезжают в Россию, и они в свою очередь так же представляют проблему в аспекте неизбежного прозелитизма.

При этом необходимо подчеркнуть неистребимость постсоветской ментальности и ее определенную идентичность с проповедниками радикального ислама, а ваххабизма – особенно. Не случайно такие фашиствующие течения как, к примеру, «скинхеды» исповедуют умопомрачительную смесь из большевистской архаики и анархии, «классиков» которой они при этом цитируют – Плеханова, например. Или взять изображение Че Гевары на майках молодежи. Это итоги постсоветского наследия, умноженного на фатальную культурную и духовную деградацию. Но формы такой генетической предрасположенности могут быть самыми непредсказуемыми и определенный успех радикалов от ислама – несомненно имеет к этому отношение. Отголоски нереализованных «свободы, равенства, братства» болезненно остро резонируют на «Аллах акбар» и на сплоченное вокруг этого сообщество.

Зампредседателя Духовного управления мусульман европейской части России Дамир Мухетдинов по-своему прав, анализируя увеличение числа сторонников радикальных течений ислама в России и приведя в пример Махачкалу, откуда появилось множество смертниц: *«Только после того, как мусульман от традиционного языка перевели, они стали соучастниками банд-формирований. Через язык, через традицию прививается само понятие этой культуры, роль и место ислама в жизни твоего народа»,* – сказал он.

И уж тем более это касается мигрантов в принципиально иных культурных условиях.

ИСЛАМ ПРИНИМАЕТ МОЛОДЕЖЬ

Уничтожение духовно-религиозной традиции сыграло пагубную роль для всех религиозных исповеданий России: равно как для православия, так и для российского ислама. Любая религия без традиции и определенной преемственности может легко превратиться в экстремальное течение. Первые воспитывают в человеке определенную этику не только в отношении самих предметов веры – исполнении ее обрядов и установлений, но и жизни верующего в разных слоях мультикультурного социума, где просто неэтичное проявление веры может провоцировать конфликты. Традиционные Христианство и ислам, сталкиваясь с современной культурой западного образца и ассимилируя ее в себе, становятся манипулируемы, теряя духовный иммунитет и открывая в себе бунтарские стихии. Это конфликт цивилизаций, причем не в их "классическом" виде, а в деградировавших формах. И сдерживающие факторы на местах этого глобального противостояния – крайне ограничены. Но на разломах этого глобального столкновения оказываются, прежде всего, дети, молодежь.

Современному молодому человеку, воспитанному бесконечным насилием с экранов телевизоров, обделенному вниманием родных и окруженному непониманием – нужна опора, СИЛА. И эта «сила» призрачно мерещится замутненному сознанию некоторых таких искателей в исламе: агрессивная самость, умноженная на сакральную идею и групповую поддержку, может представиться идеальным вариантом. Но это все же не ислам, не религия, давшая миру великую культуру с ее врачами, зодчими, мыслителями и мистиками. Речь идет не о вере, а о самоутверждении. Молодые люди идентифицируют себя в этих условиях тождественно членам бандформирований – что в итоге часто и получается.

Благодаря тому же телевидению и СМИ, массово тиражирующих привлекательные для молодежи поведенческие модели, которые встраиваются в определенный социум, превалирующей культурой молодежи стала так называемая «уголовная субкультура». То есть система взаимоотношений, принятых в уголовном мире. А особо привлекательна здесь «жизнь по понятиям». Так вот ваххабизм так же предлагает нечто подобное, только куда более обоснованное и реальное. И при крайней культурной ущербности это подменяет собой здоровое понимание патриотизма и иных цивилизованных принципов общественно-государственного бытия.

Особую роль играют сегодня даже подсознательно действующие механизмы «толерантности» и «либерализма», экспортируемые всеми возможными средствами в сознание молодого поколения. Либерализм, отстаивающий сугубое право человека на самостоятельный выбор, приводит современных молодых людей к позиции, фатально умаляющей общественно-государственный институт преемственности и воспитания. А прилагаемая к этому модель «толерантности» распространяет это право на все, даже на то, что в разумном цивилизованном обществе этого права в принципе не имеет. Сформированный всем этим апломб юной личности готов к «эксклюзиву» даже в религиозности.

И даже потрясающая сегодня устои традиционного семейного мира «ювенальная юстиция», представляющая собой органическую часть пакета либеральных ценностей, – провоцируя управляемый бунт детей против родителей, трансформирует его в итоге в бунт против религиозной традиции. А эта новая «культура взаимоотношения поколений» требует и новую онтологическую базу – религиозную основу. Наше время переставило все наоборот: вначале религия формировала культуру, сейчас культура религию. Ваххабизм, как и многие другие неадекватные формы религиозности, вполне удовлетворяют данному запросу.

Пресловутая западная демократия, внезапно явившая себя народам «развивающихся стран», предложила им главное право – право на протест, бунт. Что мы повсеместно наблюдаем. У нас, конечно, не «развивающаяся страна», но молодежь постперестроечного периода, ознаменованного абсолютно размытыми духовными ценностями и неведомыми ранее соблазнами, – вполне «общество развивающихся стран» и потому открыта к религиозным подстрекательствам радикалов самых разных мастей.

Это и своего рода компенсация украденных постперестроечным периодом тех сущностных составляющих человека, которые идентифицируют его как часть социума – потребности быть востребованным в своей стране. Точно так же, как вложенное в человеческую душу стихийное чувство религиозности заставляет искать Бога и веру, так же социальная и культурная несостоятельность приводит к спонтанному поиску их определенного восполнения. Так молодые люди, ощущая себя жертвами этой постперестроечной дискриминации, находят в исламе знак своей идентичности. На фоне фатального неведения родной культуры и веры этот выбор может быть даже понятен. К тому же православие не обещает быстрого достижения какого-то духовного и личностного преуспевания, – это обещают секты и... радикальный ислам. Но, конечно, в причинах принятия радикального и «умеренного» ислама существенная разница.

При этом есть категория людей, которые, объективно наблюдая до предела развратившийся мир, нашли убежище от него в исламе.

Ислам принимает в большинстве случаев молодежь, и у девушек и у парней есть к тому свои индивидуальные причины, и они существенно разнятся между собой. Столь же существенно, сколь разная «райская перспектива» существует у тех и других по основной исламской доктрине. Не подвергая никакой богословской критике саму доктрину, можно лишь констатировать, что мистика ислама, в своем откровении подробно описывающая сугубо чувственные «райские наслаждения» в нравственно «неоформленном» сознании вполне естественно преломляется в самые грубые чувственные же чаяния. Это превращается в универсальную гедонистическую идею. Если ради «этого» нужно еще и обвязаться гранатами, то, говоря о русских, ставших исламскими радикалами, мы имеем дело с дегенеративной крайностью. Не потому что ислам таков, а потому что никакая вера не терпит грубой материализации. Была такая исламская секта «Ассасины», адептов которой, специально одурманивали наркотиками, а затем, с помощью подготовленных женщин, давали пережить в наркотической эйфории «райский» экстаз в самом низком чувственном виде. Потом ради обретения этого сомнительного блаженства «в вечности» они шли на любое пролитие крови. Наши соотечественники, обуреваемые в итоге ненавистью к родному народу, ничем от них не отличаются, они даже примитивнее и тем опаснее.

Сегодня идет настоящая охота за душами наших детей. И за этим стоят не какие-то сектанты – это профессиональные убийцы, которым нужны войны, идеально вооруженная армия с колоссальными средствами, и они по достоинству оценивают боевые качества русского парня. Изречение одного из известных аналитиков: *«Русские мусульмане, которых насчитывается в России около шести тысяч человек, дали стране террористов больше, чем татары-мусульмане, которых почти 4 миллиона»...*

УПРАВЛЯЕМЫЕ МИГРАЦИИ

Рассуждая о природе массовой миграции в Западную Сибирь выходцев из мусульманских регионов юга бывшего СССР, в аспекте прогноза вполне логичны некоторые ассоциации с теми процессами, которые мы наблюдаем в последние несколько лет на Ближнем Востоке.

Исламский мир, несмотря на все его разногласия, все же «одно тело» (не только радикальные богословы настаивают на том, что весь мусульманский мир это один народ – арабы), и все его телодвижения вполне взаимосвязаны, прогнозируемы и могут быть соответственно манипулируемы, если бы стояла таковая задача. А для политиков нет никакого сомнения в том, что таковая стоит. Сибирь – существенная часть мирового противостояния, известный интерес наших стратегических оппонентов к ее ресурсам вполне понятен. И особо это касается региона ХМАО, на которой приходится почти половина всей российской нефтедобычи.

В «арабской весне» главную роль, по мнению ведущих политологов, равнозначно сыграли и играют интересы сколь глобальной политики, столь и транснациональных корпорации. Каких? Нефтяных, конечно. Базой же для столь революционной и эффективной дестабилизации ситуации на Ближнем Востоке («каирского бунта» в

частности) явились непримиримые этнические и религиозные разногласия внутри арабского мира; пусковым механизмом – социальные сети; политическим оправданием – спекуляции на пресловутой «толерантности» и нарушении «демократии». Методы одни: провоцируется бунт против законного правительства, а закономерное же подавление этого бунта дает повод лукавым правозащитникам обвинить власти в пресловутом «*нарушении прав человека*» и направить мировую военную машину на «*восстановление справедливости*». Так было в Ливии – где нефть, так сейчас в Сирии – где так же нефть. В Ливии сегодня царит экономический и политический хаос, а нефть исправно добывают те, кто «до того» не имел к ней доступа. Просто не может быть, что бы на карте получателей дивидендов от арабского бунта и его идеологов, не были отмечены кружочками маленькие сибирские города... где нефть. Ведь совершенно очевидно, что все ближневосточные операции «правозащитной коалиции» имеют непосредственное отношение к России. Это и провокация, и репетиция своего рода. Уже лежащая в развалинах сегодня Сирия испещрена надписями на русском и арабских языках – «смерть России», «следующая Россия» и т.д., а риторика западных политиков лишь подтверждает их причастность к этим «писателям». Последние, кстати, думается, при желании, спокойно проводят «деловой отпуск» в уютной квартире какого-нибудь тихого сибирского города...

Актуальному варианту экспорта ливийской нефти в Европу предшествовал импорт европейских институций «демократии и толерантности» в Ливию, точнее в сознание многочисленных (полудиких, подчас) ливийских племен – бартер, своего рода. Сибирская нефть ожидает своего контрольного пакета «толерантности», ибо именно в рамках пресловутого «института гражданского общества» и формируется правовая база интеграции ислама в традиционно российские регионы.

Сегодня на пространстве Сибири представлены все те этнорелигиозные сообщества, которые играют роль в означенных манипулируемых конфликтах Ближнего Востока. Там: Иран, Ирак, Ливия и Саудовская Аравия. Плюс курды.

Здесь: дагестанцы, таджики, узбеки, азербайджанцы, чеченцы и многие другие. И там и здесь: сунниты, шииты, суфии, салафиты, внутри которых множество своих непримиримых толков. При этом все они теперь на чужой территории, которую они вполне естественно хотят видеть уже своей. Кавказский ислам противостоит среднеазиатскому, чеченцы дерутся с дагестанцами, непримиримые представители кровавых столкновений Нагорного Карабаха здесь же, разные стороны конфликтов в Казахстане и Туркмении массово едут в Сибирь, уже не говоря о криминальных разборках в исламской же среде и многом ином. Механизмы примирения между, к примеру, дагестанскими суннитами и азербайджанскими шиитами в их родном регионе вырабатывались столетиями, но в итоге, как сегодня ясно, так и не выработались, трудно представить, что они «примирятся», заселив российские территории.

И еще один неслучайный пример: сегодня все чаще совершенно нетрадиционный для Дагестана ваххабизм исповедуют молодые дагестанцы, получившие образование в восточных странах – Саудовской Аравии, ОАЭ и т.д. Как бы это на первый взгляд парадоксально ни звучало, но и в исламском сообществе ХМАО берут верх интересы Саудовской Аравии. Но случайно ли это? Недаром представитель ФСБ вашего же

региона на совещании в Тюмени озвучил доклад под названием «исламисты готовят Сибирь к часу X»...

Все компоненты налицо: нефть, многоликий ислам, институции «гражданского общества», стоящие на страже крупных политических провокаторов, социальные сети. Последние, как упоминалось, сфера гипертрофированного внимания местной молодежи. Несколько мешает российская администрация и российский же народ, терпеливость и миролюбие которого во всем этом явном кошмаре для традиционной российской жизни может из ранга достоинства превратиться в пагубную пассивность. Нет ни одного места в России, где бы эти массовые миграции не поставили бы местное население в особые условия, но регион ХМАО-Югра имеет для радикального ислама особый интерес. Уже сегодня ими провозглашается новая богословская доктрина «вся нефть принадлежит Аллаху», а Югра объявляется идеальным местом для основания мирового исламского халифата. И это не просто фантазии. Особенно если учесть, что многие города Югры получили в последнее время новые мечети, в том числе «соборные», на средства ведущей нефтяной компании региона, а радикалы рассматривают каждую мечеть как бастион своей будущей державы.

Да... вроде как есть потребность в рабочей силе... Но какая часть этого ее «массового прироста» реально является той самой необходимой рабочей силой?! Если вообще является. В лучшем случае это один работоспособный из десяти приезжих членов семьи и др. И реально ли эта сила работает именно на государство? Особенно с учетом всяких социальных расходов на переселенцев, включая стоимость медицины и образования. Не получается ли, что Россия сама оплачивает свои настоящие и перспективные проблемы? Выгода здесь очень сомнительная.

Каждое вновь организованное и официально зарегистрированное «землячество», как и каждое «общество культуры» не только стимул, но и база для прироста земляков. Здесь даже административная неупорядоченность и следующие за ней «миграционные акции» – лучше, в смысле ограничивающего фактора. Да, к примеру, таджики убирающие дворы и работающие на стройках Москвы – рабочая сила, но в рафинированной системе некоторых городов ХМАО большинство таких же приезжих становятся своего рода аристократами. С тех пор как совершенно бесправному человеку (каковыми многие приезжие были у себя дома) говорят, что у него есть права – он начинает изучать, что ему в связи с этим положено. И изобретает пути получения этого положенного. Демократия, в ее данной вариации, наделяет правами, обедняя обязанностями (как об этом часто говорит Патриарх Кирилл).

Проповедовать радикальный ислам или ваххабизм там, где нет ислама вообще – невозможно, фоновое исламское «единство» - исключительно специализированное и временное формирование: панисламизм на нетрадиционном для ислама геополитическом и культурном пространстве, в условиях информационной революции, может быть только радикальным. Просто удельный вес исламского сообщества, его масса, еще не достигла должного уровня, для нас – критического.

Впрочем, не только для нас, она, несомненно, трагична и для тех, которых действительно можно назвать российскими мусульманами. Меня естественно волнуют славянские судьбы, но во мне, пишущем эти строки и вынужденном обозначать острые

границ проблем нашего сосуществования, не сглаживая их компромиссом, одновременно присутствует и доброе чувство к обычным людям, исповедующим ислам – и к их культуре, и к устройству жизни, и сочувствие многим страданиям, постигшим их после развала СССР. И особо больно за достойных людей, гибнущих сегодня во множестве от своих же осатанелых единоплеменников. Кроме того, я хорошо понимаю, что речь идет о наших согражданах – большой, многоликой России. Все эти чувства просто неотделимы от меня, как от православного человека, знающего, что жертва Христа принесена за все человечество.

При этом я думаю... не за ваши – за наши грехи нам попустил вас Бог. Мы, рожденные во Христе, бесконечно грешим и отступаем от Него. Мы убили своего Государя, который был залогом истинного мира народов Православной России, сдерживая своей державой мировую злобу. Нам за наше отступление попустил Бог 17-й год, на столетия изуродовавший образ нашей дорогой Родины. И сейчас, когда исключительно Божий промысел вернул нам наши Храмы, лишь малая толика нас приняла это обретение России, большая часть бросилась в игру, пиво и наркотики, криминальный бизнес и иные «блага» обрुшавшейся на нас цивилизации. Мы стали пренебрегать работой, которая ранее была для нас обычной. Потому все более и более в наших городах людей, которых они раньше не знали. Это наша вина. Но Бог не отнял у нас покаяние...

Вот меня и волнует христианское настоящее и будущее России, а оно связано с ее славянским миром, и главное – с русским народом. И дети его, и так рожденные в почти столетием изуродованной генетике, могут просто совсем перестать быть русскими в агрессивно нерусском окружении.

В городах ХМАО и иных регионах нефтяного Севера, где уже фундаментально обустроилась масса мигрантов, исповедующих ислам, идет бескомпромиссный передел сфер влияния в сфере религиозных авторитетов исламской диаспоры. Закончится он, по идее, в самой ближайшей перспективе должен властью радикалов – что может не допустить только понимающая это российская власть.

БЕЗЫСХОДНОСТЬ ОБРАЗОВАНИЯ

Итак, пока ответственные власти региона и добропорядочные горожане радуются внешне вполне благополучному градоустроению, дети – русские дети – испытывают нравственные страдания, усугубляемые безысходностью. Да, пусть во многих школах благодаря искренним усилиям педагогов это не столь очевидно, но степень проблемы определяется особой мерой – степенью ранимости детской души. Да, как-то удастся сдерживать исламский экстремизм в целом, но только не в среде подростков, где он проявляет себя не в количестве трупов, а в количестве боли – накапливающейся душевной боли, ломающей в итоге личность. Не страдают только те, кто за тотальным развратом, пивом и компьютером уже просто потерял способность страдать – таковых тоже немало, но и это часто уход от агрессии реального мира.

Перспектива социальных претензий масс переселенцев вполне прогнозируема, она так или иначе исходит из тех религиозных воззрений, которые являются определяющими в превалирующих исламских течениях. Можно говорить о двух глобальных и оба они «части одного»: создание исламского халифата и запрет благоверным мусульманам жить на территории неисламского государства. Реализацию первого в виде ваххабизма мы уже знаем, а второе в современной интерпретации предполагает просто быструю исламизацию вновь открывшихся жизненных пространств. Уезжать отсюда, согласно предписанию некоторых толкователей Корана, естественно никто не собирается. На этом фоне требование в самой ближайшей перспективе как минимум автономного образования для исламских детей – неизбежно. Уже по всем тем регионам России, где так же актуальны вопросы массовой миграции, обострены ситуации в школах российского Минобра именно по проблемам религиозного характера. Уступать приезжие однозначно не собираются. И на Западе школа и связанные с ее условиями проблемы религиозного сосуществования уже давно наиболее конфликтная сфера.

В современных условиях и традиционные исламские школы могут сформировать русофобскую ментальность детей, даже на подсознательном уровне. Что, во-первых, исходит из самой прозелитской идеи ислама: просто «русский» здесь автоматически ассоциируется с «немусульманин». В Христианстве «нехристианин» не означает ничего, кроме констатации факта: в православии есть древнее понятие «верный», но нет понятия «неверный» в том нарицательном значении, которое оно имеет в исламе или, к примеру, «гой» (неиудей) в Иудаизме. И то и иное по умолчанию означает определенную ущербность, в Христианстве такого умолчания просто нет. Во-вторых, дети ассоциативно впитывают в себя общее настроение дома, общества, а оно определенно конфликтное, и это неизбежно сыграет роль в процессе углубленного религиозного воспитания. Преподавателю такой школы нужно очень любить Россию и ее народ, что бы целенаправленно избежать этих проблем, но таковые сегодня большая редкость.

В актуальной ситуации даже столь плодотворная внешне идея, как преподавание религиозно ориентированных модулей под видом «основы культур», может быть опасна. «Основы православной культуры» преподавали и преподают обычные школьные педагоги, большей частью даже невоцерковленные. В редких случаях клирики РПЦ с обычным педагогическим образованием. Еще реже уже сегодня окончившие какое-то обучение культурологического профиля. А муки многолетнего рождения соответствующих учебных материалов, отвечающих запросам системы государственного образования, длились почти десять лет.

С многочисленными религиозными толками ислама все совсем неоднозначно. Даже светская экспертная комиссия, давая заключение на представленный методический материал, обратила внимание на одностороннее освещение истории и культуры ислама, соответствующее исключительно одному из вероисповедальных направлений ислама и противоречащее другим, «имеющим равные права». Как, к примеру, шииты и сунниты. Но проблема даже не в этом. Самое пристальное внимание образованию сегодня уделяют именно радикалы. Сотни специализированных образовательных центров созданы по всему миру, и не будет

ошибки, если сказать, что исключительно с целью интеграции их выпускников именно в систему образования мусульман СНГ. При этом здесь задействован весь спектр и исламских сект, и фундаменталистов-радикалов: от турецких «гюленистов» до собственно ваххабитов. Но именно последние в форпосте интеграции в Россию «мирового исламского образования», при этом пользуясь огромными средствами, инвестируемыми в эту сферу Арабскими Эмиратами. Таким образом, совершенно не исключено, что, к примеру, в какую-нибудь московскую среднюю школу Минобрнауки России, где вместе с русскими детьми сегодня уже учатся 20-30 процентов исламских детей (при этом обычных детей, обычных «номинальных» мусульман), придет высокообразованный преподаватель модуля «Основы исламской культуры», подготовленный на уровне спеца-контразведчика в «международном образовательном центре» ваххабитов где-нибудь в Нидерландах. Можно не сомневаться, что этот план однозначно где-то уже до мелочей прописан – это часть основной стратегии радикалов. И это придет в школу, ранее абсолютно закрытую для такого рода визитов. Видимо, немало нужно будет сделать и ФСБ, и самим представителям традиционного ислама, что бы обезопасить и русских и исламских детей от подобного. Но напомним – за этим стоят колоссальные силы и средства.

Так уже было. Когда только поднялся вопрос о преподавании предмета «Христианская этика», в начале 2000-х, в закрытую дотолу систему образования ворвались тысячи сектантов: просто мажоритарных оккультистов, сайентологов, адептов бесчисленных протестантских сект, секты Муна, с ее скандальными учебниками «Мой мир и я» (немыслимо как прошедших экспертизу Минобра!), и многих иных.

Исламские радикалы в целом действуют точно по такому же принципу, по которому в последние несколько десятилетий действуют тысячи неопротестантских сект по всему миру и на пространстве СНГ особенно. Ваххабизм в принципе своего рода протестантизм в исламе: «возвращение к истинной вере» - это призыв универсальный для всех сектантов от религии. И основные предпосылки вовлечения новых жертв вполне идентичны: размытое уничтоженной традицией и всепроникающей секулярной культурой христианское или исламское сознание, позволяющее подменять принципиальные для вероисповедания понятия.

Но проблемы прозелитизма псевдохристианского сектантства и исламистских сект имеют существенную разницу: в глубинах самого ислама заложено взрывное устройство в виде джихада. Если в искаженном христианстве нужно внести его извне, то в исламе нужно просто умело зажечь шнур.

Конечно, исходя из реалий, организация возможности автономного обучения в комфортной для любого ребенка среде – неизбежность и даже необходимость. В каких-то городах Югры уже организованы школы для татарских детей, с религиозным уклоном, конечно. Но если для детей этнических групп из числа переселенцев нужно решать вопрос по сути по прошению их родителей, то для коренных жителей региона – это представляется в виде заботы и инициативы государства.

В педагогической этике существуют своего рода закон – если ребенку некомфортно в образовательной среде, необходимо менять среду. При этом парадокс в том, что некомфортно именно русским детям в «прозелитской» активности приезжих, зато приезжим вполне комфортно. Если традиционной российской системе

образования и воспитания сегодня доверили «нетрадиционных» детей, то логично «изменять» детей, а не традиции.

Худшее в этой ситуации именно обычное «умолчание», но понятно, как ограничена в этом вопросе государственная система образования.

Я не смею предлагать здесь мелкие меры для решения глобальных вопросов. Да это и невозможно, я хорошо понимаю – обозначенная ситуация тупиковая. Но тогда, может быть, следует использовать иные потенции и вспомнить, что Россия – православная страна, как о своей вере всегда помнят представители ислама?! Армия уже давно ощутила благотворное влияние православных храмов в армейских частях, представители пенттициарных органов в аспекте противодействия радикальным исламистам однозначно прибегли к помощи православия, а здесь – школа! Никак не второй фронт после тюрьмы, и не третий после армии, но первый! Сегодня вся разумная Россия ищет и предпринимает какие-то меры практически в аналогичной ситуации. Возможности ограничены, пока на это нет инициативы высшей власти, но власть на местах может очень многое сделать. Цена вопроса невероятно высока, а разумная административная политика подчас даже ничего не стоит. И даже тот известный факт, что русское население более предрасположено к пагубным страстям, тем более указывает на необходимость предпринять все возможные меры для его ограждения и сохранения. На местах можно очень многое сделать, если, конечно, правильно определить цели. Можно говорить, к примеру, о необходимости создания системы воспитания и образования потенциально способной не только обучать, но и защищать. На сегодня из общеобразовательных заведений такого рода известны только кадетские корпуса. Если придать этому образовательному направлению особое «охранное» значение, то для небольших городов оно может сыграть существенную роль. Последние не только являются классическими светскими заведениями для России, но и элитными, в определенном смысле. А православная ориентация традиционно заложена в самой их сути. Если организовать женские гимназии именно при кадетских корпусах, то они по аналогии приобретут сугубо русскую специфику. Латентное участие Православной Церкви явится само по себе охранной грамотой. В России есть прекрасный опыт последнего десятилетия работы этого направления и он вполне доступен. Ведомственно это могут быть кадетские корпуса МЧС, а возможно и МВД, и ФСБ. Почему бы и нет?

СОХРАНЕНИЕ ЭТНОСА

Но это все частности, главной охранной грамотой русского населения может быть только здравая позиция властей. Нефть и социальные нюансы городского бытия – явления преходящие, сохранение этноса – вопросы глобального, исторического порядка. Конечно главный вопрос – демографическая политика. Хотя ее основные приоритеты формируются верховной властью, но и местные администрации многое могут сделать для ее разумного урегулирования.

Несомненно, совершенно необходимо самыми демократическими методами поддерживать паритетный баланс в обществе, основанный на том, что называется общечеловеческими ценностями, но при этом понимая истинную ситуацию. Да, сейчас

в противостоянии радикальному исламу «традиционный» наш союзник, но перспектива такого союза в актуальных условиях более чем сомнительна. Рухнувший железный занавес не только обнажил все язвы искусственной селекции «народов СССР», но и открыл наше некогда интимное существование всему злопыхающему миру. Теперь за нами наблюдают профессионалы-наблюдатели, целые институты, вся задача которых – стимуляция вражды, эскалация конфликтов, и в первую очередь именно наших конфликтов – народов некогда единой России. Прогнозирование и формирование взрывной массы, которая сдетонирует в нужное время через десятилетия. Создание той демографической, религиозной, культурной, социальной и политической ситуации, в которой можно править... когда нужно. А раздираемая внутри себя противоречиями исламская умма, интегрированная в российское общество и властные структуры, а одновременно тесно связанная с разноплановой религиозной и политической системой Ближнего Востока, это идеальный инструмент дестабилизации России. Теми же, кто наглядно-молниеносно дестабилизировал сегодня Ближний Восток.

При этом должно помнить, что по единому мнению специалистов современный ваххабизм – искусственное производное западных спецслужб, и совершенно наглядная для всего мира консолидация арабских шейхов с натовским сообществом, а так же следующие из этого политические и экономические выгоды абсолютно это подтверждают.

Впрочем, из ближневосточной ситуации можно сделать выводы: только сильная центральная власть способна сдерживать разрушительную энергию внутриисламских противоречий и соответствующих религиозно-этнических конфликтов. Обрушилась власть, начался хаос. Мы однозначное звено в этой цепи, только мы более важны, мы – стратегический противник, а не страны ближневосточного региона.

Конечно, необходимо сотрудничать с уже имеющими место умеренными исламскими организациями в общем противостоянии радикалам, но в такой ситуации просто нелогично целенаправленно создавать благоприятную почву для приезда новых переселенцев из сугубо исламских регионов. Так прокладывается даже не тропа, но столбовая дорога радикалам. И это проблема не только для русских, но и для традиционного российского ислама, который в этом значении может вскоре просто перестать существовать. В определенном смысле перед российским исламским сообществом стоит выбор: с кем быть? Но осуществить его сегодня уже чрезвычайно сложно.

Но и мы, наше правительство должно совершить выбор: с кем власть? Этот выбор реализовать менее сложно, чем для мусульман, о которых идет речь, он определен самой страной – Россией. Совершенно понятна необходимость заботы власти в отношении всех граждан страны, но если ущерб наносится основной, коренной, определяющей ее части, и особенно ее детям, то просто необходимо расставить приоритеты. В этой работе я хочу донести одну очень простую мысль – сегодня уродуется генофонд на века определяющий будущее страны. Сейчас все более и более, каждодневно, обыденно страдают русские дети в однозначно враждебном им новом окружении. В их сознании это ставшее обычным состояние возведено в ранг обычного

же устройства государственно-общественной жизни в их стране. Вряд ли это сделает их патриотами этой страны. Они и так уходят со школьной скамьи в наркоманию, пьянство, дикий разврат, а означенная проблема добавит к этому еще и биологическую ненависть, перерастающую в обыкновенный фашизм. Пока это можно предотвратить, остановить. Для чужого счастья необязательно кто-то должен быть несчастным. Разве при разрушении дома вы не озабочены спасением своих детей в первую очередь? *«Что толку приобрести весь мир, а душе своей навредить»* – говорит Евангелие. Первое, что нужно сделать – ОБРАТИТЬ НА ПРОБЛЕМУ ВНИМАНИЕ. ПРИЗНАТЬ САМ ФАКТ ЕЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ. В России достаточно созидательных сил, что бы совместно, на государственном уровне начать ее решать. С подобной проблемой столкнулся весь мир, и разумная его часть, признав ее, искала и ищет пути ее решения. Как, к примеру, в США в свое время на уровне Конгресса практическим способом определялись в отношении принципов обучения черных и белых детей, породив при этом целую индустрию «школьных автобусов». Может быть, вопрос так и не решили, но решали долго и серьезно. В Израиле проблема совместного обучения арабов и евреев, очень близкая складывающейся у нас сегодня ситуации, породила опыт, который нам полезно будет изучить. Можно обратить внимание на совершенно неадекватные пути решения этих вопросов в некоторых странах Европы – чтобы не повторять их глупости. Кроме того, есть еще опыт дореволюционной России, полезный и сегодня. Нужно начать профессиональное изучение проблемы общественно-государственными усилиями (только без Уполномоченного по правам ребенка в России, недавно совершенно серьезно предложившего «всех российских сирот отправить в Чечню»).

Да и в чем смысл привлечения мигрантов в качестве рабочей силы для процветания России или «улучшения ее демографической ситуации», если в ней не будет процветать и жить определяющий само ее существование народ? Кроме, может быть, кучки избранных. Запад ясно понял сегодня свою ошибку в отношении эмигрантов, несмотря на все свои откровенно маразматические теории, ну так может, просто глядя в телевизионную реальность, разумно понять и нам...

Не против обычных мигрантов эта статья, не против тех людей, которые понуждаемые нуждой, отправились на поиски лучшей жизни, но против той наркотической отравы, часто до верха заполняющей сумы существенной части этих бедных странников, которой предназначено вытравить гостеприимное население их новой среды обитания. Организаторы этой управляемой миграции давно уже не скрывают своего ожидания вычищенных территорий.

Нужно увидеть реальность, как она есть – это война, и началась она далеко не сегодня. Война за территории, за ресурсы, соответственно, а в итоге за выживание. Вопрос стоит именно так: быть России или не быть. Сохранятся ли русские как нация или нет. За массово индуцированной наркоманией, миллионами тонн пива для молодежи, а сегодня и за управлением массовыми миграционными потоками – стоят одни и те же силы. Это кроме неадекватных притязаний фанатиков исламского мира, марионеточно реализующих свою стратегию лишь внутри глобальной стратегии мировых стратегов. И для всех них – России однозначно **не быть**.

Повторимся: в города нефтяной Сибири идет по всем возможным дорогам радикальный ислам, и тот, который здесь уже есть, долго не устоит в своей «умеренности» – сама смена поколения это обеспечит. Администрации многих регионов России, где обострены этноконфессиональные отношения, уже представляют собой коррумпированные кланы, в Югре – я точно знаю – это далеко не так, к тому же во многих городах региона сохранена здравая стабильность советской административной системы, разумно адаптируемая к современным условиям. Хотя все командные головы уже оценены – честь каждого, совесть и степень патриотизма, каждый согласно своему положению: все в финансовом эквиваленте, на кого-то собирается компромат, а для сугубых «патриотов» подбирается силовая мера – когда придет время. И время это уже началось...

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Однажды ко мне на прием в Душепопечительский Центр на Крутицком подворье в Москве пришел крепко сложенный молодой человек. Русский. Он долго не мог начать разговор, а потом долго и горько навзрыд плакал. Он был некогда православным человеком, а учась в Университете, в группе, где было много чеченцев, поддался на их обработку и стал ваххабитом. Он плакал от раскаяния и от страха, не скрывая этого. Раскаяния в том, что предал веру, предков, свой мир, Россию, Христа, и от страха перед местью за желание вернуться в отчий дом. И от невозможности сделать это просто так – за ним уже что-то было, ваххабиты быстро повязывают кровью. Да и страх его был страхом человека, который точно знал, как выглядит эта месть. Я отправил его, как поступал и ранее не раз в таких случаях, на исповедь к отцу Даниилу Сысоеву – здесь его знания и дерзновение были и вразумлением, и защитой. Вскоре священника Даниила убили. Прямо в храме. В полном облачении. Во время исповеди. В этот раз так совпало, наверное...

***Изяслав Александрович Адливанкин (монах Иоанн),
ведущий специалист Душепопечительского Православного Центра святого
Иоанна Кронштадтского (г.Москва) по проблемам молодежных субкультур,
деструктивных культов и религиозного экстремизма***

ia.dpcentr@gmail.com

28 августа 2013 года, г. Москва

p.s. Необходимо подчеркнуть: я высказываю здесь свое личное мнение, за которое никто кроме меня не несет ответственности. По этическим соображениям, исходя из моего длительного сотрудничества с конкретными людьми, я не указываю точно те города, где изучал ситуацию. На местах работают многие достойные люди, которые в меру возможностей и противостоят означенным здесь негативным тенденциям. И в колледже, о котором я пишу вначале («Свои ваххабиты»), после моего визита положение принципиально изменилась, благодаря усилиям силовиков и администрации. И заботе того же самого упомянутого завуча. Формат статьи

позволяет мне некоторую художественную обработку текста, но в целом материал построен на фактах и исследовании более объемном, нежели личный опыт, отражая общую проблему.